

Сергей Арно

Роман о любви, а еще об
идиотах и утопленницах

16+

Сергей Арно

**Роман о любви, а еще об
идиотах и утопленниках**

«ЛитРес: Самиздат»

2005

Арно С.

Роман о любви, а еще об идиотах и утопленницах / С. Арно —
«ЛитРес: Самиздат», 2005

Этот роман Сергея Арно был удостоен премии Н.В. Гоголя в номинации «Вий» как самый жуткий и смешной роман года. Повествование разворачивается в Петербурге, где происходит ряд загадочных убийств... Их объединяет только причина смерти — смех...

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	22
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Часть первая

Гримаса черного юмора

По весне, когда солнышко пригрело усталую от снега землю и в природе ощутилось предчувствие перемен, когда человеческую душу начали будоражить скрытые до поры желания что-то переменить, улучшить в своей жизни, когда природа стала готовиться к пробуждению, оголяя от снега землю на газонах, и в воздухе по ночам запахло весной, исковерканные, они стали выползать из подвалов, прокрадываться с чердаков, прибегать с улицы, спускаться с небес... Это были двухголовые кошки, котята с крысиными головами, голуби с кошачьими лапами вместо крыльев, вороны с крысиными, а крысы с вороньими головами; по газонам, весело чирикавая, скакали воробьишки, у которых из животиков торчала пара мышинных лапок... Разнообразие уродств способно было помрачить слабый ум. Природа или кто-то в природе будто насмеялся, по своему вкусу и неизвестно по чьему подобию искажая создания, совмещая противоречия, доводя до абсурда всякую бездомную живность.

По улице туда-сюда сновали идиотского вида люди: у кого на шее болтался детский барабанчик, а по лицу блуждала улыбка беззаботного счастья; кто был серьезен и с виду жуток; иной мал, пузат, вертляв и шутлив; другой, напротив, величествен и грозен, но со столь бессмысленными речами, сколь величав был его вид... Жильцы охотно покидали свои квартиры, уезжая в другие районы, а вместо них вселялись новые жильцы: идиоты, дауны, шизоиды, с выпуклыми лбами, провалившимися переносицами, выкатившимися глазами, курносые носами... В природе что-то кем-то менялось.

Глава 1

Погребение Грехильды

ИДИОТИЗМ – слабоумие врожденное или приобретенное в первые годы жизни. Причины врожденного идиотизма – патологическое состояние родителей (психические болезни, эпилепсия, старческий возраст, сифилис, алкоголизм), браки между близкими родственниками, остановка в развитии мозга во время внутриутробной жизни, тяжелые роды (сильное сжатие черепа фельдшерскими щипцами и т. д.). Причины приобретенного идиотизма – повреждения головы, болезни мозга, эпилепсия, плохое питание и т. д.

Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь, 1900

Молодой человек остановился на мосту, перегнулся через перила и уставился на воду. Нева сплошь была покрыта потемневшим льдом, только под мостом непонятно отчего образовалась большая полынья, и там была видна черная беспокойная вода. Человек с высоты пронаблюдал, как плевком достиг поверхности воды, и вздохнул. Он смотрел вниз безо всякого смысла и интереса, не то что он хотел вслед за плевком сигануть с моста, чтобы безвременно погибнуть в пучине, это бы хорошо – это бы значило, что в нем еще осталось несколько капель жизни, ведь стремление, хотя бы даже и к смерти, тоже есть проявление жизни. Но нет! Мысль о самоубийстве была столь же скучна и безынтересна, как и мысль о жизни, – он давно смирился с ее присутствием в своем организме, как с изжогой или хроническим насморком. Когда-то давно, еще в юности, после несчастной неразделенной любви он до невозможности остро пережил желание смерти, теперь оно, притупившись, уже не трогало душу, даже когда он неудачно влюблялся, только иногда заставляя морщиться от досады. Он как-то внезапно достиг кризисного тридцатипятилетнего возраста и думал, что такое его скучное состояние продолжится всегда, до конца дней.

– Нет, это отвратительно. Там сыро, холодно, темно, я ведь так боюсь темноты, особенно когда плывешь подо льдом...

Человек оторвал взгляд от воды, обернулся на голос. Невдалеке стояла молодая женщина довольно соблазнительной наружности, приятных с виду форм и тоже, перегнувшись через перила, глядела на воду (формы – это было то, на что он всегда обращал внимание в первую очередь, безошибочно распознавая их даже под зимним пальто), в руке у нее была коробка с тортом и полиэтиленовый пакет. Слова, которые она проговорила, должно быть, вырвались произвольно и не относились к соседу, вероятно, она даже не заметила его присутствия. Ему казалось, что поблизости никого не было, но то ли женщина подошла, когда он следил за полетом плевка, то ли он по рассеянности не обратил на нее внимания.

– Сырость продлится недолго, – сказал он нехотя, вовсе не из желания завязать знакомство, отвечая не ей, – скорее самому себе на свою подобную мысль. – Через четыре, максимум шесть секунд после касания воды тело затахнет под лед, и сырость кончится. – Женщина повернула к нему лицо, оно было заплаканным. – Только через месяц ваше зловонное и раздутое, как курдюк, туловище поднимется на поверхность, и, когда вы будете проплывать по реке, все будут показывать на вас пальцами. Нет! Все ж таки умирать нужно красиво. В мыслях мелькнул откуда-то карнавал: смеющиеся лица, обнаженные женские тела в перьях, маски... Весело нужно умирать.

Наверное, следует пояснить, что дело происходило в мрачном и унылом городе с очень плохим климатом, жители которого все как один страдают хроническими насморками от постоянных сквозняков и изжогой от некачественной питьевой воды, а 90 % – не выводимой

никаким импортом перхотью. Была ранняя весна, когда лед на Неве еще не сошел. Мужчину звали Андреем, исполнилось ему тридцать пять лет, но за это время жизнь успела осточертеть ему, просыпался он всегда в паршивом настроении и в будущем не воображал себе ничего хорошего, впрочем, и плохого тоже. Было ли это последствием психической травмы, связанной с перенесенным в детстве полиомиелитом, или причина тому – полученный стресс, неизвестно.

Девушка (с виду ей было лет около двадцати пяти) смотрела на Андрея зелеными глазами, в этих глазах даже сквозь слезы проглядывалась насмешка и еще что-то многообещающее и распутное, будто твердое обещание осуществить все сексуальные фантазии. Но Андрея взгляд этот не тронул и внутри ничего не всколыхнул.

– Да, – продолжал он, придерживая кепку, готовую сорваться от сильного порыва ветра. – Умирать нужно весело! – и снова перед глазами пронесся хоровод лиц в масках.

Почему Андрей произнес эту дурацкую фразу, он сам вряд ли смог объяснить, просто ему давно хотелось веселья, бестолкового, пусть даже беспричинного смеха, так что казалось ему: даже умереть со смехом будет приятно.

– Во-первых, все вы врете, – заявила девушка неожиданно твердым тоном, плеснув на него зеленую печально-распутных глаз. – Небось сами ни разу не топились. Труп может всплыть только в теплой воде, а до этого его растащат рыбы, скоро корюшка пойдет, моя любимая рыба, очень люблю корюшку. Если вода прохладная, может и не всплыть... А с чего вы решили, что я собираюсь топиться?

Андрей пожал плечами.

– Мне почему-то так померещилось.

– Топятся от несчастной любви, а я сейчас никого не люблю, – на ветру слезы ее высохли, но глаза все равно казались печальными. – Подержите вот это, – она сунула в руки Андрея большую праздничного вида коробку, перевязанную лентами (в такие коробки кондитеры обычно упаковывают торт), достала из полиэтиленового пакета точно такую же коробку. Девушка посмотрела на нее, губы прошептали что-то неразборчивое, и вдруг бросила в реку. Торопливое течение, подхватив подарок, донесло до края полыньи; некоторое время коробка была еще видна, но течение затащило ее под лед, и что там стало с ней – неизвестно.

– Значит, тортами корюшку подкармливаете? – спросил Андрей, протягивая вторую коробку. – Одобряю.

Он ожидал, что эту коробку она тоже бросит на съедение рыбам, но ошибся: девушка положила ее в пакет и, посмотрев на Андрея, кокетливым движением поправила выбившуюся прядь волос.

– Пошли водки выпьем.

Они прошли через Марсово поле, Андрей знал одну недорогую забегаловку в подвале, где можно было выпить водки и закусить бутербродом за малые деньги.

По пути Андрей узнал, что зовут девушку Кристина, что живет она с бабушкой и в браке в настоящий период не состоит. Когда они подходили к кафе, произошло странное событие, на которое Андрей сначала не обратил особого внимания, но о котором вспомнил много позже.

Из подворотни дома номер пять выбежал человек, его округлое лицо с полными щеками обрамляла черная борода, он был без шапки, в расстегнутом черном пальто, к груди он прижимал коричневый кожаный портфель. Увидев идущую под ручку пару, бросился к ним.

– Умоляю, помогите мне, – задыхаясь от бега, выпученными глазами глядя в глаза Андрея, торопливо заговорил человек, он выглядел как безумный. – За мной гонятся... – он вынужден был делать паузы, не хватало воздуха. – За мной гонятся люди из ФСБ... Здесь... – он сунул в руки Андрею толстый портфель, – здесь детские медицинские карточки министров, писателей, депутатов... депутатов Госдумы, здесь многие материалы об их детстве... они прольют свет... Умоляю вас! Спрячьте!.. За этими сведениями охотятся многие...

– Какие медицинские карточки? – спросил Андрей, наконец придя в себя и понимая, что человеку требуется помощь, скорее всего психиатрическая.

Из подворотни, откуда выбежал бородастый человек, выскочили трое мужчин. Бородач обернулся в их сторону, но успел сделать только один шаг... к нему подскочили, профессионально-натренированным движением сбили с ног, завернули за спину руки, щелкнули наручники, его, как тюк, подняли. Откуда-то, будто «по-щучьему велению», взялась черная машина с затемненными стеклами, бородача погрузили в нее, дверцы захлопнулись. Все это произошло настолько решительно и молниеносно, что Андрей с Кристиной ничего не успели сообразить. Перед ними вдруг как из-под земли вырос человек лет сорока и показал раскрытое удостоверение со своей фотографией и печатью.

– Федеральная служба безопасности, майор Петров, – представился он бесстрастно. – Это ваш портфель?

Андрей рассеянно опустил на портфель глаза и протянул гражданину.

– Мне его только что дали.

– Я знаю, – сказал майор Петров, взял портфель и, сев в ожидавшую его машину, уехал.

– Преступника поймали, – сказала девушка, потянув Андрея дальше по улице.

В полуподвальном кафе «Луна» на Большой Конюшенной, куда они пришли, народу было на удивление много, только два столика в центре зала были не заняты. Люд здесь собрался вида все больше запущенного и хмурого.

Андрей взял два по пятьдесят водки без закуски: Кристина отказалась от закуски, мотивируя тем, что закушенная водка удовольствия доставляет меньше, аргумент Андрея убедил.

– Давай Грехильду помянем, – провозгласила Кристина тост, поднимая граненый сосуд. Выпили.

– А Грехильда – это кто, родственница или так, знакомая? – поинтересовался Андрей, настороженно поглядывая на угрюмых небритых людей за столиками.

– Знакомая кошка. Мы ее сейчас утопили.

– Правильно, я тоже кошек не люблю, – кивнул Андрей, закуривая сигарету. – Такие гадины.

– А я люблю, – болотно-зеленые глаза Кристины гневно блеснули. – Я только Грехильду не любила. Она была такая сволочь!

– Неудивительно, кошка с таким именем наверняка порочная живность была.

– Еще какая! Ни одного кота не пропустит.

Она брезгливо поморщилась.

– А кто имя ей придумал?

– Уфлянд придумал. У него такое стихотворение есть, – она закатила глаза к потолку и нараспев прочитала: – «Могла я в юности увлечься, да, готова щи, увлечься с знакомым дядей на плите, да уж теперь года не те». Слышал такое стихотворение?

– Нет, – Андрей помотал головой.

– Ты знаешь, мне кажется, что мы с тобой близки по духу. Я это еще там, на мосту, поняла.

Андрей положил дымящуюся сигарету на край блюда, которое использовал вместо пепельницы, и поднял стакан: тост этот ему понравился.

– У меня же торт есть! – встрепенулась Кристина. – Сейчас закусим.

Она вынула из полиэтиленового пакета торт, развязала бантик, подняла крышку...

– Ты лучше сама закусьвай, – заглянув в коробку, сказал Андрей. – У меня аппетита нет.

– Значит, мы вместо Грехильды торт утопили, – проговорила она, растерянно глядя на лежавшую в коробке дохлую худую кошку какой-то грязно-рыжей масти. – Не зря мне бабушка говорила, чтобы я в одинаковые коробки не клала. А я думала – ведь это подарок...

– А что это у нее? – Андрей взгляделся в мертвое животное. – Лапа вместо хвоста... – пальцем тронул когтистый хвост кошки. – И точно, слушай, это же у нее лапа вместо хвоста!.. Какое редкостное уродство.

Кристина решительно оттолкнула руку Андрея.

– Никакая не лапа! – захлопнула крышку. – Тебе показалось.

– Ну как же показалось, ведь лапа вместо хвоста.

– Послушай! – металлические нотки зазвякали у нее в голосе, и глаза обозленно сузились. – Показалось тебе, понял?! По-ка-за-лось!..

«Вот сейчас она встанет и уйдет, из-за такой фигни уйдет, и ничего не будет... А так я домой ее могу затащить... Какая мне разница – лапа там или хвост...»

За последние два месяца эта женщина была единственной, кому удалось вызвать в нем хоть какие-то низменные желания, это было непривычно и удивительно для него.

– Показалось так показалось, – Андрей примирительно улыбнулся. – И все-таки мерзость.

– А! Послала?! Послала?! – донесся от входа противный каркающий голос.

Андрей с Кристиной оглянулись. Через заведение в инвалидной коляске, лавируя между столами и посетителями, катилась тощая маленькая старуха. Прилаженные к сиденью велосипедные колеса она не переставая крутила руками, пуская экипаж, куда захочется, по своему желанию. Но сейчас направляла она самодельный агрегат явно к их столику.

– Послала?! Послала?! – кричала она на ходу, привлекая внимание хмурых отдыхающих.

Увидев инвалидку, Кристина сунула коробку под стол себе на колени.

Доехав до их стола, старуха затормозила ручонками, лихо развернулась на месте и, устремив на Кристину старческие бесцветные глаза, задала тот же вопрос, который уже орала от самой двери. На металлическом боку коляски большими белыми буквами было написано: SUPER. Вылезавшие из-под платка волосы старухи были зеленого цвета, вероятно, она красила их зеленкой, лицо же совсем белое, будто натертое мелом, но это был ее естественный цвет. Старуха, как говорится, следила за своей внешностью, если так можно назвать тени на веках и неровно покрашенные алой помадой губы; кроме того, у нее имелись большие оттопыренные уши, что выдавало в ней (если верить китайской медицине) долгожительницу.

– Послала, послала?!

Кристина смущенно улыбнулась.

– Конечно, послала, вот сидим с Андреем отмечаем... в смысле поминаем.

– Да, кошка была что надо, хорошая кошка была, что надо кошка. Где такую возьмешь?

Старуха носовым платком вытерла сухие глаза и высморкалась.

– Ушла-то под лед сразу или мучилась как-нибудь?

– Камнем, – заверила ее Кристина. – Никогда не всплывет.

– Значит, приняла... Все лучшее, все самое дорогое отдаю ей, дуре... – старуха вздохнула и повернула голову в сторону Андрея. – А этот кто такой, мужик? – строго спросила она и как-то утробно булькнула.

Кристина тоже посмотрела на Андрея, как будто только что его заметила.

– А, это?.. – девушка пожалала плечами. – Это мой знакомый, он мне помогал Грехильду утопить, теперь празднуем.

– Ты смотри у меня! – старуха показала Андрею крепко-накрепко сжатый сухонький и жилистый кулачок. – Ты у меня зеленоглазую смотри!.. – она потрясла этим вооружением перед лицом Андрея. – Му-жик!

В последнее слово инвалидка вложила столько чего-то всего из своей памяти прожитой жизни: каких-то злых мужиков, обиды, от них перенесенные, и среди них какого-то одного, особенного, обидевшего старуху так крепко, что пальчики на руке ее хрустнули от натуги.

– А то, как Юрка!.. Смотри, мужик!

– Вам, бабуля, выпивки взять? – предложил Андрей, любезностью желая смягчить старушечью неприязнь к мужскому роду.

Но старуха, проигнорировав предложение, лихо развернула экипаж и покатила его к выходу. Там ей помогли подняться по ступеням, и старуха пропала из вида.

– Бабушка, вообще-то, мужиков не любит, – словно бы стараясь оправдать старушечью грубость, сказала Кристина.

– А кто их любит-то, я, что ли? – буркнул Андрей.

Он сходил взял еще по пятьдесят, и они выпили.

– Ты знаешь, Андрей, – после того как выпили и Андрей закурил, сказала Кристина, – ты от бабушки подальше держись... – и, подумав, добавила: – И от меня тоже. Влипнешь в историю, не обрадуешься.

Алкоголь подействовал на Кристину, глазки ее заблестели, движения сделались неточными, и она уже несколько раз под столом задела Андрея коленкой. И невольное это касание нельзя сказать, что было неприятно ему... а может, и не невольное. Черт знает этих баб, в шкуру-то их не влезешь!

– Почему это подальше? – Андрей вскинул голову: водка действовала возбуждающе, захотелось дать кому-нибудь в морду или совершить еще какой-нибудь подвиг.

Он огляделся, но хмурые лица отдыхающих не вызвали вдохновения.

– Ты, Андрей, послушай меня внимательно. – Кристина наклонилась через стол близко к его лицу, его обдало запахом ее духов, дорогих духов «Кензо», и он сразу подумал, что это его любимый запах. – Боюсь я, что со мной что-нибудь случиться может.

В проясненных алкоголем глазах девушки, если приглядеться внимательнее, просматривался страх, или так только казалось уже нетрезвому Андрею.

– Чего случиться-то? Тебе угрожает кто-нибудь, что ли?

Сейчас Андрею казалось, что он запросто защитит эту красивую (пожалуй, она уже начала нравиться ему) девушку от кого угодно.

– Не угрожает пока... Но... – Кристина тоже оглянулась. – Но ты не знаешь, какой это человек, это просто чудовище, он способен на многое, и если со мной что-нибудь случится... Понимаешь, мне не к кому больше обратиться, кроме тебя. – Вдруг она замолчала и вмиг протрезвевшими глазами внимательно всмотрелась в лицо Андрея, даже повернула его голову в профиль, осмотр, видно, удовлетворил ее. – Нет, показалось!.. Не могут же они везде быть... – эти бесконтрольно произнесенные слова не имели отношения к Андрею, и он не стал заострять на них внимание, хотя ему было интересно, кто «они». – Я не знаю, может быть, сумасшествие говорить тебе это, – продолжила свою неясную мысль девушка, – ведь мы знакомы совсем недолго, но я почему-то тебе уже доверяю. Мне показалось, что мы с тобой близки по духу. Пообещай, что ты сделаешь все так, как я скажу. Пообещай, ну!

Девушка, похоже, была не в своем уме, глаза ее, и без того немалого размера, увеличились еще больше, и безуминка, которая почудилась в ее зрачках еще там, на мосту, под воздействием алкоголя стала еще заметнее. Она схватила Андрея за кисть, впилась в нее ногтями. Андрей поморщился, но стерпел и руку не убрал.

– Конечно, – согласился Андрей. Слова девушки, в особенности ее тревожный тон, слегка протрезвили его. – Конечно, обещаю.

Кристина пугливо осмотрелась и понизила голос еще на четверть тона, хотя и так слышно было плохо:

– Ну вот, тогда слушай внимательно, нужно на всякий случай перепрятать покойника...

– Кого?! Я думал, только у твоей бабушки, – Андрей покрутил пальцем у виска.

– Ты мою бабушку не трогай! – В глазах Кристины уже второй раз за вечер вспыхнули гневные огоньки. – Я бабушку свою в обиду не дам! Если что, я за нее любому башку размозжу.

Глядя сейчас на нее, Андрей не усомнился в ее словах ничуть.

– Так что ты говорила по поводу дела кого-то важного? – напомнил он.

Кристина внимательно и молча смотрела на него несколько секунд.

– Ничего, все это глупости, забудь.

– Ну все-таки, кто-то тебе угрожает, – не отставал Андрей, – ты же сама говорила. Да и покойник какой-то.

– Да никто мне не угрожает, отстань. – Кристина встала из-за стола. – Идти нужно.

На улице светило солнце. Ранней весной солнце всегда кажется особенно ярким, и девушек много красивых появляется, зимой они уезжают, что ли, куда-то на юг, одни уродины остаются. Они медленно шли по мокрой мостовой.

– Кристина, ты мне дай телефон свой, а я тебе свой. Может, еще как-нибудь выпить зайдем.

– Знаешь, Андрей, – Кристина, не останавливаясь, повернула к нему лицо. – Ты действительно подальше от меня держись, ладно?!

– Я чего-то не очень понимаю, ты мне не доверяешь? Так и скажи.

Мысль, что они только познакомились, а ему нужно держаться подальше, казалась ему абсурдной.

– Не в этом дело, просто я не хочу, чтобы были ненужные жертвы... и потом это тебя не касается, это моя проблема. Зачем тебе неприятности.

Коробку из-под торта, в которой лежало порочное мертвое животное с лапой вместо хвоста, Кристина несла в руке. Они прошли уже квартал по направлению к Невскому проспекту... Андрей, почувствовав вдруг какую-то неуютность, невнятную тревогу, оглянулся, приметив преследовавшую их черную иномарку с затемненными стеклами. Машина отъехала от тротуара в тот момент, когда они вышли из питейного заведения, и теперь неспешно двигалась чуть позади них. Когда они миновали еще квартал, Андрей, не упуская ее из поля зрения, все время как бы нечаянно поглядывая в ее сторону, начал проявлять беспокойство. Машина ехала рядом с ними явно неспроста. Сама же девушка была чрезмерно увлечена своими мыслями о грозящей ей опасности и, похоже, не замечала преследования.

– За нами, кажется, машина какая-то едет, – сказал Андрей сквозь зубы, скосив на девушку глаза.

Кристина остановилась, повернулась к Андрею.

– Да, ты прав, пора ехать, у меня такое чувство, что мы знакомы с тобой очень давно. Прощай, Андрей.

– У меня тоже, – признался Андрей.

Она сунула ему в руки коробку из-под торта, поднялась на цыпочки, поцеловала в губы и торопливо направилась к машине. Водитель изнутри открыл ей дверцу. Андрей не успел разглядеть его лица, а только большую белую лысину, отороченную по периметру черными волосами. Кристина, не оборачиваясь, села в машину и захлопнула дверцу.

Андрей стоял, прижимая к груди коробку с дохлой кошкой, глядя вслед удаляющейся машине. Потом растерянно посмотрел на коробку, сунул ее под мышку и, мысленно ругая себя за то, что не взял номер телефона девушки, пошел домой.

Глава 2

След старухиной коляски

Андрей стал изредка захаживать в кафе, в котором провел пару приятных часов с Кристиной.

Однажды вечером, выйдя из кафе, Андрей направился к Неве.

Гуляя, прибред к Троицкому мосту, где познакомился с Кристиной.

Промозглая темнота накрыла город, зажглись мутные фонари. Мокрый, наполовину с дождем, снег, почти перпендикулярно падавший с неба, навевал пакостные мысли, лед на Неве посерел, кое-где на нем образовались полыньи. Андрей постоял на том месте, где они впервые встретились и потопили торт. По обыкновению, плюнул с моста вниз, как делал всегда, и неторопливо побрел назад. Он повернул по набережной направо, дойдя до ступеней, спустился по ним до небольшой гранитной площадки возле самой воды.

Рыбак в длинном черном пальто и черной вязаной шапке сидел под мостом на ящике, с какими всегда ходят рыболовы, напряженно вглядываясь в просверленную во льду лунку. Андрей удивлялся всему племени рыболовов, готовых в любую погоду вылавливать последних обитателей фауны, которые и живут-то в этой грязной воде вообще неизвестно почему, не годные ни в пищу, ни для аквариума. Ему не понять было эту болезненную потребность в смерти живого, скользкого и холодного. Рыболов внешне ничем не отличался от своих многострадальных коллег, но пользовался, должно быть, какими-то более совершенными методами ловли. Рядом с ним Андрей заметил ящик, похожий на рацию времен Отечественной войны, у которого рыбак то и дело крутил какие-то рычажки. Он был в наушниках, надетых поверх вязаной шапки, да и сама удочка была замысловатой формы. Андрей вспомнил, что уже не раз видел этого человека на Неве издали.

Рыбак, почувствовав чужой взгляд, посмотрел в сторону Андрея раз, потом другой. Андрей не уходил, он решил постоять здесь минут пятнадцать, все равно идти было некуда.

Рыболов вдруг поднял наушник с одного уха.

– Вы что-то сказали? – спросил он хриплым, простуженным голосом.

Андрей пожал плечами.

– Да нет.

– Подойдите-ка сюда, я вам кое-что покажу, – крикнул рыболов, поднимаясь с ящика.

Андрей посмотрел на темный, местами подтаявший лед.

– Не бойтесь, лед еще крепкий.

Андрей подошел. Рыболов протянул наушники Андрею.

– Послушайте, вы только послушайте, что там творится.

Посмотрев в слегка безумные, возможно, от холода или глядения в темную воду глаза рыболова, Андрей надел наушники.

Сначала он ничего не услышал, потом издали приплыло шуршание, потом как будто музыка... Или нет! Уверенно он сказать не мог. Андрей снял наушники и протянул хозяину.

– Слышали?

– Да вроде слышал, а что это?

– А!! – победоносно воскликнул рыболов. – Это тайна великая, о ней писали в старинных книгах, но только сейчас, когда техника шагнула так далеко вперед, я смогу доказать их существование.

Это, конечно, был никакой не рыболов. Андрей уже понял это по безумному взгляду и запущенному виду. Наверное, это был изобретатель. Андрей когда-то имел счастье познакомиться с одним изобретателем, замызганным и неприятным типом. С такими увлеченными работой психами народ обычно держится уважительно и отстраненно, почитая их за гениев.

Андрея всегда привлекали безумцы, мистики и изобретатели, хотя при более близком с ними знакомстве он находил, что в их идеях всегда много безумного и никогда гениального. Перед ним был яркий представитель этого сумасшедшего класса. От него доносился легкий запах спиртного, и когда он говорил, то приближал свое лицо к лицу собеседника и, закинув голову, изредка похохатывал гортанно.

– Мое открытие, – продолжал изобретатель, приближая лицо так, что Андрею пришлось отступить. – Я настолько близок... А ты, правда, слышал?

– Слышал что-то, а что за открытие-то?

– Да ничего, – вдруг мрачно проговорил он, опускаясь на свой ящик, настроение его мгновенно переменялось в худшую сторону.

На улице стало темно, Андрей рассеянно поднял лицо вверх, и почудилась ему в призрачном свете фонарей склоненная с моста голова Кристины.

– Мне пора, – проговорил Андрей и заторопился к гранитному берегу.

– Смотри, чтобы тебя с моста не скинули! – крикнул вслед изобретатель, надевая наушники. – Дело обычное, тут все дело обычное, город проклятый, река проклятая, люди проклятые... – бубнил сам себе изобретатель.

Жил Андрей в однокомнатной квартире на первом этаже, а под ним, в подвальной сырости, ютились бомжи. Ночами у них происходила неведомая для постороннего человека жизнь, иногда оттуда слышались загадочные шумы, движение... Андрей, случалось, из любопытства прикинул к полу телом и, приложив к холодному паркету ухо, вслушивался в подвальную жизнь, которая захватывала и заинтриговывала его. Иногда удавалось разобрать кое-что... и то, что удавалось разобрать, удивляло Андрея... на большее слуха не хватало. Но никогда Андрей не думал спускаться вниз, в подвал. Никогда.

Ни одного из нижних соседей он не видел в глаза, сколько ни старался и сколько ни дежурил у окна – всегда пропускал их появление. Бомжи прокрадывались в подвал с темнотой. Он догадывался об этом по хлопанью входной двери. Это была уже вторая партия бомжей, поселившихся в их подвале. Первые прожили всего три месяца.

Сосед со второго этажа, «новый русский», которого все почтительно звали Николай Иванович, однажды, взяв пистолет, фонарик, спустился в подвал навести порядок. Не было его часа два, жена даже в милицию звонить собралась, думала, бомжи его скушали. Но по прошествии этого времени вылез Николай Иванович из подвала и никому ничего не сказал.

На следующий день снова взял Николай Иванович фонарик и снова в подвал спустился. Опять не было его часа два, а как выбрался, снова никому ничего не сказал.

На третий день повторилось то же самое, и снова никому ничего не сказал.

А дня через два приехала машина-грузовик, грузчики покидали все бомжовские пожитки в кузов, кузов набрался полный: коробок пустых, сидений от автомобилей, тряпья разного... Когда натаскали столько, никто и не заметил. А покидав все это в грузовик, увезли в неизвестном направлении. Потом за бомжами автобус приехал. Выводили их под ручки молодцы здоровенные, а сами бомжи такой вид при этом имели, что жалко на них смотреть было, думали: уничтожать их везут. А что тут странного – у «новых русских» свои законы, плевать они хотели на государство, государство по их законам живет.

Больше о бомжах не слышал никто. Думали уже – и не услышат. Но спустя некоторое время поползли слухи по дому странные, будто живехоньки и здоровехоньки те бомжи, насильно с обжитого места увезенные, словно имеют они каждый свою комнату, и, спустившись тогда к бомжам в подвал, чтобы их перестрелять, «новый русский» настолько проникся их трогательными историями о жите-бытье, что, закручинившись и опечалившись, купил каж-

дому по комнате, осчастливив горемык на всю оставшуюся жизнь. И все довольны вроде оказались... Тут и истории конец.

Долго ли, коротко ли, да через некоторое время снова завелись в подвале жильцы робкие, приходили всегда как стемнеет, дверью хлопали. Отчего завелись бомжи именно в этом подвале – кругом таких подвалов уйма, – никто толком не знает. Может, от сырости, может, те, уехавшие, какую бактерию оставили, о том слухи умалчивают. Или прослышали о счастье-везении своих предшественников и тоже решили улучшить жилищные условия – никто не ведает. Но завелись и жили-поживали.

Папа Андрея, бывший алкоголик, когда к концу жизни внутри у него заболело все, что могло болеть, бросил пить окончательно, и сделал это вовремя, потому что получил наследство от своего брата из Швеции. Всю жизнь бедствовавшая от пьянства глава семья вдруг заимела немалые деньги, и теперь Андрей, имевший незначительные потребности для жизни, мог прилично существовать на банковские проценты. Иногда, когда в нем появлялась нужда, ему звонили с телевидения с предложением написать сценарий для какой-нибудь дурацкой малооплачиваемой передачи. Он никогда не отказывался.

Однажды вечером ему позвонили и предложили написать несколько сценариев для телевизионной игры, хотя Андрею не хотелось заниматься подобной дрянью: он считал, что такие передачи рассчитаны на слабоумных, – но все же на студию поехал.

В вагоне метро народу было немного. На одной из станций въехала инвалидная коляска, в ней сидел мужчина в форме защитного цвета, без ноги, с лицом законченного алкоголика.

– Подайте, люди добрые, на протез!! – зычно прокричал он, так, что задремавший было Андрей вздрогнул и, открыв глаза, уставился в книгу Мелихана, над которой заснул.

Крутя колеса руками, инвалид двинулся по вагону. Ехал он неровно, отчего постоянно наткался на ноги спящих или читающих, словно бы невзначай, но было заметно, что таким образом привлекая к себе особое внимание. Но от инвалидных хитростей денег в его карманах прибавлялось мало. Инвалиды в колясках уже всем осточертели, и откуда их столько взялось?

Наехал он и на ногу читающего Андрея, но он лишь мимолетным взглядом удостоил попрошайку, вновь заставив себя читать.

Андрей оторвался от чтения, только когда дверь на остановке открылась, и он заметил выезжавшего из вагона инвалида. На боку коляски большими буквами было написано: SUPER. Андрей сразу сообразил, что это старухина коляска, но это было все равно, потому что дверь уже закрылась.

На следующей остановке Андрей вышел на перрон. Народу здесь скопилось много, он не сразу приметил заезжающую в вагон коляску. Андрей бросился за увечным, но не успел догнать, в последний момент вскочив в другой вагон.

«Не уйдешь!.. – думал он с азартом охотника, прикинув к стеклу и пожирая глазами инвалида. – Не уйдешь...»

Тот обнаружил чрезмерное внимание к своей персоне, то и дело поглядывая через плечо на прилипшего к стеклу Андрея, закрутил колеса в противоположную от него сторону. Милостыню он уже не просил, единственной его заботой было уйти от преследования.

Как только дверь открылась, Андрей выскочил на перрон. «Не уйдешь! Не уйдешь, гад!!» – злобно цедил он про себя. Инвалида он заметил, когда тот, повернув голову в его сторону, с огромной скоростью вылетел из вагона, стараясь спрятаться за мраморной колонной. Теперь-то Андрей знал, что увечному действительно не уйти. За колонной его уже не оказалось, инвалид поднимался по эскалатору. Андрей ухмыльнулся и неторопливо направился к движущейся лестнице.

Он медленно поднимался к застывшему на коляске человеку, зная, что теперь-то ему некуда удирать, и, своей неспешностью желая подразнить беглеца, Андрей остановился за ступеньку от него.

– Чего убежал-то? – проговорил Андрей негромко.

Инвалид повернул к нему потное лицо.

– А я и не убежал. Чего мне убежать-то. Да и бегать я не могу, инвалид войны.

– Вот и я думаю, чего убежать.

Помолчали.

– У меня к тебе, мужик, дело, – начал Андрей, решив действовать издалека, чтобы не спугнуть увечного, он и без того нервный.

– Да я уж догадался, – как-то обреченно проговорил он. – Ну, забыл я сегодня документ. А так он у меня в порядке, все квитанции оплачены.

– Это хорошо, что оплачены. Какой документ-то?

– Да! Какой! – инвалид саркастически улыбнулся и погрозил Андрею пальцем, пальцы у него были неприятного вида, толстые, словно бы опухшие, с большими грязными выпуклыми ногтями. – Сам знаешь какой, нищенское удостоверение, конечно. Ну, хочешь, я с тобой деньгами поделюсь, – он сунул руку за пазуху и погремел там мелочью.

– Не хочу.

– Ну, а раз не хочешь, я тебе тогда все отдам, все, что заработал. Все двадцать рублей!

– А зачем мне? – пожал плечами Андрей.

– Так ты не из налоговой инспекции, что ли? – инвалид прищурил подозрительный глаз. – Раз денег не берешь, значит, не из налоговой, – заключил он. – Или новенький? А может, у вас проверка?

– Да нет, у меня другое к тебе дело.

– Ну, слава богу, я ведь думал, ты из налоговой инспекции! Вот и драпался. А раз ты не из инспекции... Тогда чего за мной гнался? – мужик из испуганного сделался вдруг агрессивным и, крепко сжав кулак свободной руки – второй он цепко держался за перила, – грозно сдвинул брови. – Давно не получал? Смотри, у меня получишь.

– Я хозяйку коляски, старуху безногую ищю, а коляска с виду ее. Она мне, мужик, по делу нужна сильно.

– Ах, старуху?! Ну так бы сразу и сказал. Старуху я уважаю. Хоть и стерва она перво-классная! Но уважаю. Тебе она зачем, тоже хочешь экипаж арендовать?! – в голосе его зазвучали грозные нотки. – Ты учти, по моей линии Кировско-Выборгской не ездят, а то получишь! Я тебе ноги вырву! Один тоже попробовал, так я его...

Коляска выкатилась с эскалатора, Андрей пошел рядом.

– Мне внучку ее найти нужно, по делу. Если что, я заплачу могу.

– Вот это американский разговор. Поехали.

Они вновь спустились в метро и поехали на Петроградскую.

Коляску у старухи брал напрокат Мелодий, мужик незлой, когда трезвый, но как напиившись, любил вспоминать золотые деньки перестройки, когда ему, как члену Союза нищих СССР, жилось по-королевски. В такие загульные дни он пил, не закусывая, и ругался нецензурно, поминая бывшего президента и все правительство поименно, а потом опять президента, и материл его, так искусно подбирая слова, что алкаши-собутельники краснели от стыда.

На работу же Мелодий выезжал два раза в неделю и, облачившись в одежду защитного цвета, мотался по электричкам кировско-выборгской линии от кольца до кольца как инвалид и герой сначала афганской, потом чеченской войны, выпрашивая денег на протез. Хотя пропил уже столько этих протезов, что обуть в них можно было бы целый полк.

Как по пути выяснилось, звали старуху Евпроксинья, за прокат коляски наливал Мелодий ей стакан водки, такая у них была договоренность. Евпроксинья напиток использовала наружно, оттого была здоровее всех в доме, дожила черт знает до скольких лет и, благодаря недопитой Мелодием водке, еще сто лет жить собиралась. В метро, по дороге до Петроградской, Андрею пришлось возить Мелодия по вагонам, собирая милостыню, иначе проклятый алкоголик ни за что не соглашался знакомить его со старухой. А потом, войдя в азарт, вынудил Андрея мотаться по электричкам еще целый час, потому что с Андреем собирал Мелодий в три раза больше обычного.

– Когда у нас для людей делать будут?! – возмущался Мелодий, пока Андрей вез его от метро «Горьковская» в сторону зоопарка. – У нас все не для людей! Неужто вагон метро чуток пошире не сделать было, чтобы люди нищие в колясках спокойно проехать могли?! Ведь неудобно. Нет! Все у нас не для людей! Эмигрирую к чертовой матери! Там и почище, – он плюнул через борт коляски на асфальт, – и народ побогаче! Опять же демократии побольше. А вообще, Андрюха, повезло нам сегодня. С тобой выгодно работать, есть у тебя коммерческая жилка. Держи!

Мелодий в пол-оборота протянул Андрею горсть мелочи.

– Это тебе за старуху оплата, – отказался тот.

– Слушай, Андрюха, а давай вместе работать, – он с удовольствием спрятал деньги в карман защитной куртки и произвел громадный глоток из бутылки купленного по дороге пива. – Будешь меня по электричкам возить, честное у тебя лицо, доверяют тебе люди свои капиталы. Да ты знаешь, сколько в день заработать можно!! Машину купить можно инвалидную, «Оку». Но ты не обольщайся, работа тяжелая: целый день на ногах, на ногах... И потом, охрана мне требуется, бывает, ханурики всю получку отбирают. Куплю тебе пистолет, будешь моей «крышей».

Мелодий пьянел от пива прямо на глазах.

– Нам бы не встретить с тобой Костика, говорят, у нас на Петроградской объявился. Как ночь, выходит на промысел... Жуть.

– Что за Костик? – не из любопытства, а так, лишь бы поддержать глупый бубнеж, – спросил Андрей.

– Ты чего, о Костике не слышал?.. Костик – это полуживотное-получеловек. Откуда взялся, неизвестно, но теперь шакалит на Петроградской, как только темнота – он шаст на улицу из подвала, и на помойки – кормиться, или еще где, за кошками по дворам гоняться.

– А что, на людей Костик нападает? – для дальнейшего поддержания пьяного бреда спросил Андрей.

– На людей, такого не слышал. Но увидеть его – страсть! Вместо ног – копыта, как у козла, он этим копытом, если что, так может звездануть, мало не покажется. Его у нас многие видели. Тут специальный наряд из американского зоопарка приезжал, Костика по подвалам и чердакам вылавливал. Они считают, что он у нас тут из одичавших бомжей вывелся. Они там любят редкости, не то что наши – не ценят, что такие Костики в стране живут. А старуху ты не бойся, она, конечно, сумасшедшая, но ты ее не бойся. Правда, она одному Кристинкиному хахалю в рожу кипятком плеснула и другому гантелю на ногу бросила, но ты ее не бойся, если что – беги, она не догонит. Богатство ее откуда, не знаю, но богатая, стерва.

– А Кристина у бабки в гостях бывает? – Андрей осторожно попытался вновь завести разговор на интересующую его тему.

– Тс-с-с!.. – зашипел Мелодий, приложив палец к губам. – Ничего не знаю... Да и вообще, зря я тебя к бабке веду! – вдруг рявкнул он, пьяно вскинув на Андрея лицо. – Кто ты такой?! Может, ты грабитель! А документ у тебя есть?! Есть документ, я тебя спрашиваю?!

«Черт, только этого не хватало. Вот скотина, напился».

– Не-е-е, ты не Андрей никакой, ты... Ты... Капитан Копейкин, вот ты кто!!

Это открытие будто бы потрясло инвалида, он вдруг заржал и швырнул опустелой бутылкой в пробегавшую мимо кошку. Бутылка, ударившись об асфальт, со звоном разлетелась совсем рядом с четвероногим, повергнув его в животный ужас и панику. Кошка рванула через трамвайные пути, скрывшись за деревьями парка.

– Нет, Копейкин, не поведу я тебя к старухе. Хоть режь меня, убивай. Что б я тебя! Грабителя, душегуба!.. И вообще, оставь экипаж, я сам поеду.

Инвалид и вправду взялся крутить колеса, но был уже настолько пьян, что въехал в водосточную трубу, не без помощи направившего его туда Андрея, конечно.

– Видишь, Мелодий, убьешься, давай уж тебя домой доставлю без увечий, целехонького, – сжалился Андрей, вновь берясь за ручки коляски. – А сколько за день заработать можно, если я тебя возить буду? – спросил он, переводя тему.

– Заработать!! Нормально можно заработать. Я к бабке сбегая, коляску возьму, и погнали! – Мелодий повернулся в пол-оборота и нетрезво поднял на Андрея глаза. – А ты кто такой?.. Документ у тебя есть?.. – Андрей не знал, что человека так может развезти от двух бутылок пива. – А-а!! Капитан Копейкин, так бы сразу и сказал.

– Далеко еще?

Мелодий нетрезво повел головой.

– На Съезжинскую, на Съезжинскую заворачивай! Я там и живу. А что, уже завернули? Так, уже проехали. В темноте хрен чего увидишь. А ты чего, Копейкин, смотришь?! Вот же мой дом! А ты думал, где я живу?! Вот здесь и живу...

Проехав темную подворотню, они оказались в мощеном уютном дворике со сквером и фонтанчиком в центре. Фонтанчик, конечно, не работал, но внутренность двора сильно отличалась от большинства дворов Петроградской стороны, если бы не большой помойный бак рядом с фонтаном.

– Вон, вон к тому парадняку рули! – распорядился Мелодий, указав в угол двора.

Андрей остановил экипаж перед дверью.

– Как тащить-то, – он смерил взглядом фигуру инвалида.

– А фиг ли тащить, я сам...

Мелодий откинул одеяло, нетрезво поднялся на ноги и взялся за коляску. Оказалось, что одна нога у него была поджата, создавая иллюзию отсутствия. Андрей смотрел на него, еле сдерживая готовое прорваться негодование. Он терпеть не мог, когда его надували. Хотя надували его или нет, тоже было непонятно, ведь Мелодий и не утверждал, что не умеет ходить.

Несколько мгновений Андрей боролся с душевным порывом дать Мелодию по башке кулаком, но вместо этого добродушно улыбнулся.

– Давай помогу, а то еще с лестницы упадешь.

– Это даже очень может быть.

Они взяли инвалидное кресло за подлокотники и подняли до первого этажа. Мелодий позвонил несколько раз подряд.

– Ну где, старая карга? На свидание, что ли, убежала? Где, зараза старая!!

Он начал неистово барабанить в дверь кулаком. Андрей знал, что старуха-то уж точно инвалидка и со своим увечьем далеко уползти не могла.

– Это ты, Мелодий-пьяница? А с тобой кто, мужик такой? – наконец раздался булькающий старушечий голос из прикрепленного над дверью динамика.

– Со мной?! Никого со мной нет... – проговорил Мелодий, качнувшись вперед, так что ему пришлось опереться рукой о дверь, потом, не отрываясь от двери, оглянулся на Андрея, о котором уже забыл. – А, это!.. Это Копейкин, сослуживец мой... он мне... мы с ним работаем вместе.

Замок щелкнул, дверь открылась. Андрей, одной рукой поддерживая Мелодия, другой толкая перед собой инвалидное кресло, через прихожую вошел в комнату. Старуха восседала

в кресле посреди просторной комнаты, повелительно глядя на вошедших. Обстановка помещения была убогая, можно сказать, нищенская, и властная старуха посреди хлама выглядела нелепо.

– Спасибо тебе, матушка, за доброту твою, – заговорил Мелодий, пытаясь поклониться в пояс.

– Заткнись, Мелодий, из-за Марианки тебе экипаж даю! Иначе бы не получил никогда... Марианку благодари!! А это кто с тобой, мужик какой, Юрка, что ли?! – шуря слабые старческие очи, в гневе воскликнула зеленоволосая старуха.

– Здравствуйте, бабушка! – сладким голосом начал Андрей. – Помните, мы с вами в кафе встречались, мы там с Кристиной, внучкой вашей, сидели...

Андрей отпустил локоть Мелодия и сделал два робких шага к инвалидке, чтобы она могла его разглядеть.

– Нет, ты – Юрка, сволочь! Чего, пытать меня пришел, мужик проклятый?!

– Да эт не Юрка, эт Копейкин, друг мой. Сослуживец мой... – сильно качнувшись вперед, встрял в разговор Мелодий.

Старуха, как и тогда в кафе, сжала кулачишку и с ненавистью потрясла им в воздухе.

– Смотри, мужик!

– Я, бабуля, не мужик, – Андрей решил пойти напролом и, подойдя к старухе ближе, присел и склонился, оперев руки в колени, чтобы быть с ней одной высоты. – Мне позарез нужно увидеть Кристину. Где ее найти можно?

Старуха молча смотрела на Андрея своими глазами, открывая иногда рот, как рыба на берегу.

– Вон! – вдруг рявкнула старуха нечеловеческим голосом. – Проваливай отсюда, мужик! Себе, иди себе, проклятый Юрка!! Вон иди, как!.. – от возмущения она путалась в словах и махала кулаками.

Андрей стоял все так же склонившись, без страха глядя на грозную, разбушевавшуюся старуху. Ее зеленые волосы, нарумяненные щеки, наведенные черной краской брови, алые губы... да и весь вид производил впечатление чего-то ненастоящего, необъемного и плоского, старуху словно бы нарисовал кто-то... и оживил зачем-то.

Андрей постоял так еще минуту, глядя на разгулявшуюся старость, потом разогнулся и неторопливо пошел из комнаты. Мелодий последовал за ним. Вслед им неслись старушечьи проклятия.

* * *

Поначалу, до того как появилась старуха, Мелодию туго приходилось без транспорта. Сидеть на панели, поджав ногу, тяжело и холодно. Вечные недруги нищих – насморки и радикалиты – изнуряли плоть, и догадливый Мелодий придумал способ просить милостыню в тепле и комфорте. Возле входа в метро «Василеостровская» Мелодий обнаружил люк.

Дома он сколотил из досок небольшой поддон с дыркой в середине и на следующий день, рано поутру, когда народу еще не так много, пришел к люку, снял крышку, поддон установил сверху на отверстие, водрузил рядом «копилку», была у него такая счастливая кепка для денег, сам по пояс опустил в люк, укрепившись там ногами на металлической ступеньке. Полы куртки закрывали отверстие, и с виду казалось, что половина человека стоит на деревянном поддоне. Уродство такого рода вызывало щедрость меценатов, и в «копилку» сыпались деньги. И хотя погода была прохладная, но Мелодию это было «по барабану»: нижняя половина туловища его нежилась в сыром тепле, а верхняя, вызывая материальное сострадание прохожих, красовалась наверху и, подогретая снизу, тоже не мерзла. Изредка, правда, из-под Мелодия

вырывались струйки пара, но спешащие мимо прохожие на странное явление покалеченного организма внимания не обращали.

Иллюзион этот длился целую неделю, и Мелодий, вечерами развалившись на продавленном диване в грязном и затертом халате с гавайской сигарой в зубах, проглядывал автомобильную газету с рекламами иных марок, уже прикидывал в уме, какую из них выбрать?.. Но лафа кончилась неожиданным скандалом.

Как-то днем Мелодий, имитируя полчеловека, скорбными кивками выражая благодарность прохожим за их щедрость и не замечая опасности, которая уже несколько раз прошла мимо него, мысленно представлял свою жизнь в радужных красках, на которые хватало воображения: берег океана, блестящий «мерседес»... Опасность эта в виде трех мужиков в кирзовых сапогах, желтых куртках со строительными касками на головах с растерянным видом уже несколько раз прошла мимо Мелодия. Они внимательно смотрели то в бумагу с планом, то на асфальт вокруг себя. Возможно, они так и ушли бы, не обеспокоив мечтателя, а план бы потом поправили. Но именно в тот момент, когда рабочие остановились возле беспечного Мелодия, какой-то жалостливый прохожий бросил в кепку инвалиду десятирублевую купюру. Иллюзионист Мелодий молниеносно накрыл купюру рукой, но... шаловливый ветерок оказался ловчее, он выхватил бумажку из-под немытой ладонки и пошелестел ею по асфальту прочь от инвалида. Мелодий рванулся вслед, оголив часть отверстия люка, отчего оттуда вырвался на свободу большой клуб пара. От опытных глаз рабочих это явление не скрылось. Они за руки рывком выдернули Мелодия из люка и навешали ему таких тумачков и пенделей, какие он помнил долго, а потом отвели в милицию платить штраф.

После того случая Мелодий перешел на жизнь кочевую: ездил в старухиной коляске по электричкам. Давали, правда, мало, совсем мало, но жить кой-как было можно и даже хватало на взносы в Союз нищих Санкт-Петербурга. Зато потом можно было выпросить матпомощь или съездить в санаторий за полцены в Коктебель или поближе, в Комарово... Но в последнее время фиг какие путевки давали, начальство само ездило. Обнищал союз. Вот раньше были времена! В перестройку народ прямо как озверел от благотворительности, подавали тогда нищим направо и налево все, кому не лень, и обогатились многие, дач себе понастроили, квартир, машин накупали. Да и Союз нищих процветал, приобрел Дом нищего, где можно было отдохнуть после работы, посидеть в ресторане, поиграть в бильярд... – словом, оттянуться. Тогда, чувствуя наживу, в союз полезла всякая шваль. Пару дней, бывает, посидел с поджатой ногой на панели – и уже в союз лезет, от проституток валютных отбоя не стало, даже поэты, книжки свои на Невском продававшие, просились, но их пинками выгнали.

В подавляющем большинстве в союзе состояли старухи предсмертного возраста и старики такого помоечного вида, что при их появлении хотелось почему-то чесаться. Конечно, далеко не все они соответствовали возрасту: многих приходилось искусственно старить, в этом помогали имиджмейкеры, работавшие при Союзе нищих. Они трудились индивидуально над внешним видом каждого нищего, причесывали его и припудривали, чтобы хоть на нищего походил, редактор из дружественного Союза писателей редактировал таблички с просьбой о помощи.

Был у них председателем в союзе один иллюзионист, личность в нищенских кругах знаменитая. Он как-то эдак устанавливал в своей инвалидной коляске зеркала, что если в нее сесть, то ноги становятся невидимыми, как будто и нет их. У него дела в перестройку шли лучше других, а потом, когда все изменилось, уехал иллюзионист в Германию. Но и там не пропал, по слухам, женился на кинозвезде и показывает там фокусы простодушным немцам. Вообще, люду разного много было.

Имелись своя поликлиника и пошивочное ателье. В перестройку больничные койки не пустовали, врачи-хирурги трудились круглосуточно, не покладая рук ампутировав членам союза конечности. Кому руку оттяпают, кому – ногу. Нищий без конечности выглядит жалче, и те,

кто успел вовремя ампутироваться, зарабатывали дай Бог каждому. Самые до денег жадные и руки, и ноги себе отрезали. А несколько мужиков, совсем увлекшись всеобщими хирургическими вмешательствами, после ампутаций членов так и вовсе пол себе в женский переделали. Потом, правда, опомнились, да теперь уж ничего не поделаешь. Думали, всегда такая лафа будет... После работы сауна с девочками, массаж расслабляющий, опять же на дачку в Комарово...

Но процветание в прошлом нынче выглядело безрадостно и убого. После того, как Дом нищего сгорел и правление союза стало мыкаться по разным местам, снимая за валюту, Христа ради, помещения то в Доме журналиста, то в Белосельских-Белозерских, а то еще где, дела нищих пошли совсем плохо. Установились жесткие рыночные отношения, конкуренция. На улицы вывалили бывшие партработницы и сталинистки, оборотистые старухи животноводы или, как их еще называли, «живодеры»: набрав бездомных кошек и собак, просили денег на их пропитание. В прошлом комсомольские лидеры, старухи валютчицы в русских цветастых платках кротко вымогали милостыню на английском, французском и немецком языках в местах скопления интуристов. Все завели себе бандитские «крыши», и мордатые узколобые парни гоняли членов союза с хлебных мест пинками, так что пришлось им перебираться на периферию. В стране началась управляемая рынком демократия.

Да вот, мало горя – новая беда: стали в Союз нищих навещать агенты из налоговой инспекции с налоговыми декларациями, и спать нищие совсем перестали. Теперь, если без удостоверения и квитанции об оплате подоходного налога тебя на панели застучали, плати штраф. Вот и драпал Мелодий, что было мочи, от подозрительного мужика с внешностью налогового инспектора.

* * *

Помимо Мелодия и Андрея, за грязным, заставленным немойтой посудой столом сидел еще один неопрятного вида мужчина с остатками рыжих волос по краям головы и с саркастическим взглядом, большой любитель возразить. Что бы ни говорил Мелодий, а он говорил много, рыжий на все находил возражения и выдвигал свою версию. Как его имя, Андрей не запомнил, может, поначалу запомнил, но потом забыл накрепко. Андрея Мелодий представил как своего друга Копейкина.

– А у меня друга убили, – сказал рыжий, наливая еще водки. – Хороший человек был, имелась у него присказка такая: «то-се» любил говорить, как чего скажет, обязательно добавит: «то-се». Хороший человек был, бомж с большой буквы. Парамон звали. Зверски убили...

– Если зверски, тогда понятно, – перебил Мелодий. – Дело сейчас обычное – бомжей уничтожать. Это боевики из Общества защиты животных стараются, за то, что бомжи кошек и собак едят. Общество защиты животных наняло чеченских боевиков, они бомжей выслеживают и убивают зверски. Ты, Копейкин, водку-то слабо пьешь, – заметил Мелодий. – Ты налегай на водку-то. Ты ее не экономь, еще купим.

Андрей нетрезво пожал плечами, он не принимал участия в разговоре.

– То, что Общество защиты животных лжует, это я знаю. Но здесь не то совсем. Здесь страшнее намного. Тут Парамон не один пострадал, если бы один – дело другое, тут вообще мистика какая-то. Первый следователь, это дело раскрывавший, утопился, второй сошел с ума. Так что дело это непростое, говорят, Парамон в таких муках умирал, что лицо у него этак все перекошено было.

Рыжий старательно скорчил гримасу непонятного содержания, которая могла обозначать все что угодно, даже восторг.

– Зубы, наверное, сверлили – предположил Мелодий. – Почерк похож на Общество защиты животных, они тоже сначала бомжей пытаются: сколько кошек, сколько собак съел, это им для статистики нужно. А уж потом только – того. Точно, Копейкин?

Андрей, уже привыкший к своей новой фамилии, кивнул.

– Не-ет! – по обыкновению, не согласился рыжий. – Это на ритуальное убийство похоже.

– А что, если парнокопытный людей мучить начал? Чтобы вспомнить чего-нибудь.

– Нет, он что, он глупое животное с копытами. У него только голова да руки человеческие, а так обычный кентавр. Точно, не Костик.

Снова налили водки, выпили, запили пивом. Андрею отчего-то взгрустнулось, он опустил голову на руки и закрыл глаза.

– А я так слышал, что Костик из родника воды напился, – сквозь сонную муть слышался голос Мелодия. – Родник этот, как рассказывают, из-под земли в подвале бьет. Вода в нем прозрачная да пахнет так приятно, что сил нет, хочется ее выпить. А как глоток сделаешь, так у тебя память и отшибает – ничего не помнишь и даже как тебя зовут не знаешь. Говорят, только в одном-единственном подвале такой ключ на поверхность выходит, а потом снова под землю, и там, под землей, образуется река полноводная. Ну, знаете, подземные реки бывают, вот и здесь то же самое. И течет она далеко, чуть не через весь земной шар.

– Про родник этот я слышал, да все это фантастика научная, – дав досказать, усомнился рыжий. – Это от старости дома глюка. Ученые доказали, что как только дому старому за сто пятьдесят лет перевалит, так у него испарения вредные из фундамента начинают выделяться. У нас город-то на болоте стоит – испарения и выделяются. А человек, испарений этих нанюхавшись, глючить начинает, и кажется ему, что родник из-под земли бьет, что духи всякие летают... А это все галлюцинации от вредных испарений. Это давно учеными доказано.

«Может, там труба прохудилась, вот и бьет родник», – подумал Андрей, но говорить вслух было лень.

– А родник этот у нас тут, на Петроградской, говорят, где-то на Подъяческой в подвале. Ну, выпьем, что ли?

– Да глюки это все, – снова повел свою линию рыжий. – Самые обычные глюки, дом старый испарения выделяет.

Мелодий выглядел трезвее окружающих, и чем больше пил, тем больше трезвел. Это была его удивительная особенность: то с малого количества вдруг пьянеть мгновенно, то пить больше всех и трезветь только. Они выпили еще. Но это Андрей же был как в тумане, голова совсем отключилась, он, конечно, слышал дальнейший разговор, но уже не понимал, о чем речь. Потом Мелодий с рыжим ушли за добавкой, обещали привести женщин, предупредив, что они уже ничего не могут и вся надежда на Андрея. Андрей еле поднялся из-за стола, тело его вело из стороны в сторону. Сделав несколько шагов к дивану, чтобы удержать равновесие, схватился рукой за крышку комода, дверца его, слабо прикрытая, вдруг с грохотом открылась, и Андрей увидел бледную женщину лет тридцати пяти, она лежала в комоде и не шевелилась.

– Елы-палы!! Это ж труп!

Глава 3

Гримаса черного юмора

Григорий Иванович Крылов сидел в своем кабинете на втором этаже до девяти вечера, когда все сотрудники уголовного розыска уже разошлись и только внизу оставался дежурный наряд. Надо же так случиться, что первое дело, которое ему досталось, – стопроцентный глухарь... два глухаря. Ни одного свидетеля, ни одной зацепки. Обе жертвы умерли в мучениях насильственной смертью.

Версия ограбления отметалась первой: у обеих жертв взять было нечего – бомжи, селившиеся в подвалах и ночлежках. Обе жертвы были найдены ранним утром лежащими на набережной Невы. На теле не имелось следов насилия, только мышцы тела окоченели в напряжении, и лица... лица были невероятно искажены, это было странное сочетание гримасы ужаса, смешанной с радостью. Словно бы человеку перед смертью было страшно и смешно одновременно. Крылов видел такое впервые и про себя назвал «гримасой черного юмора».

Результаты вскрытия показали уж совсем странные вещи...

Крылов перевелся в уголовный розыск из Управления по борьбе с экономическими преступлениями. Его всегда тянуло работать в уголовном розыске, с детства, но жизнь сложилась иначе, и вот – повезло... И сразу два глухаря. Первое убийство было совершено несколько месяцев назад до его прихода в уголовный розыск и повисло на отделе мертвым грузом, о нем он знал по фотографиям и по отчетам капитана уголовного розыска Скворцова, вышедшего месяц назад в отставку.

О Скворцове говорили разное: одни считали его превосходным служакой, раскрывшим десятки дел, другие, не отрицая положительных его качеств, утверждали, будто на этом последнем деле он надорвался и даже тронулся умом и что на пенсию его отправила психиатрическая комиссия. Разбирая его отчеты, Крылов думал о том, что психиатрическая комиссия приняла взвешенное решение: протоколы и отчеты были крайне запутаны, складывалось впечатление, что Скворцов умышленно или неумышленно пытался запутать дело, увести его в какой-то абсурд.

Никаких зацепок... В обоих случаях фигурировал только один человек – Яков Афанасьевич Фетисов, с ним, пожалуй, стоило поговорить отдельно.

Григорий Иванович сдал ключи и, попрощавшись с дежурным капитаном, вышел на улицу. Промозглая погода ранней петербургской весны навевала тоску, мерзко было не только на улице, но и на душе. Остатки мокрого снега хлюпали под ногами. Крылов направлялся к набережной Невы. Неторопливо пройдя через Марсово поле, перешел проезжую часть и остановился с левой стороны от Троицкого моста. На другой стороне Невы, озаренная мутными световыми пятнами фонарей, громоздилась Петропавловская крепость. Григорий Иванович полюбовался открывающимся видом, который видел уже тысячи раз, но каждый раз по-новому. Этот всегда мрачный город поражал его, вызывая противоречивые чувства любви и отвращения.

Рядом с мостом располагался гранитный спуск к воде, там и был найден второй труп. Григорий Иванович, ежась от ветра, спустился к тому месту. Неподалеку от спуска, на льду под мостом, сидел рыбак. Сюда, под мост, с трудом достигал свет от фонарей с набережной, и его темная фигура в сумерках казалась огромной, неживой, как вбитая в дно свая. Крылов знал, что застанет его здесь в этот час. Рыбак сидел не шевелясь. Следователь постоял некоторое время на гранитном спуске, с непривычки опасаясь выходить на лед, потом, осторожно ступая, подошел к рыбаку.

– Яков Афанасьевич!

Рыбак никак не отреагировал. Следователь тронул его за плечо. Рыбак вдруг вскочил и, отступив назад, сорвал с головы наушники, надетые сверху на вязаную шапку.

– Кто здесь?!

– Простите, я вас напугал, – извинился Крылов.

В руке рыболова зажегся фонарик, он рассмотрел сощурившегося следователя.

– Ах, это вы, – смутился Яков Афанасьевич. – Сразу не признал, помню, что из розыска уголовного. Зовут как, извините...

– Григорий Иванович. Я, честно говоря, не думал, что вы меня вообще вспомните.

– Я лица хорошо запоминаю, – признался Яков Афанасьевич. – А вы, значит, прогуливаетесь?

– Да вот, после работы решил подышать да посмотреть заодно, как у вас рыбка клюет.

Яков Афанасьевич окинул его взглядом.

– Пальтишко у вас больно дохленькое для прогулок, еще и без шапки, а рыбка клюет паршиво. Какая уж тут, в Неве, рыбка, одна кабзда непристойная.

– Почему тогда ловите?

– А это загадка природы – почему человек ловит. Вы ведь тоже ловите, правда, не рыбку... Ладно, говорите, зачем пришли. Вас ведь другая рыбка интересует.

Рыбак усмехнулся. В темноте лицо его трудно было разглядеть, из-под вязаной шапки поблескивали только глаза; ростом он был выше Крылова, на целую голову выше. Что-то вдруг кольнуло в душе следователя, ему сделалось неприятно и тоскливо, захотелось домой.

– Ну, что отмалчиваетесь, небось по поводу того жмурика притащились. Да я уж все рассказал, все запротоколировано, подписано...

– Это правда, что все запротоколировано, – поежился от холодного порыва ветра Крылов. – А вы тут что, всю ночь сидите? – Крылов посмотрел на пустую, слабо освещенную набережную и добавил: – Небось страшно.

– Да не темните Григорий Иванович, и так темнота кругом. Что, пришли сказать, что странной смертью он помер? Что не умирал так никто раньше?

– А вы почему думаете, что странной? – спросил Крылов, доставая сигарету и закуривая.

– Дак, то ж на его рожу взглянуть было достаточно, такая гримаса в ужасном сне не приснится. А ночью я здесь не сижу. Я как раз сейчас домой собирался. Хотите, пойдёмте вместе, по пути поговорим.

Яков Афанасьевич сложил свои странные нерыболовные принадлежности в ящик, на котором сидел, повесил его на ремне через плечо, и они вместе поднялись на набережную.

– Я на той стороне живу, рядом с мечетью. Если не торопитесь, можем пройтись.

– У меня почему-то такое чувство, что вы не все сказали, – когда они шли по мосту, проговорил Григорий Иванович, подняв воротник осеннего пальто.

– Да нет, все. Пришел утром, а он вон там, скрюченный, на ступеньках с физиономией перекошенной лежит.

– А по поводу первого.

– Какого первого?.. Ах, этого!.. По поводу первого я ничего и не видел, а то, что меня у лунки застали, так это случайное стечение...

У Крылова появилось странное предчувствие, что рыболов говорит не все, не врет, это всегда чувствуется, а недосказывает, и хотя он был уверен, что ничего нового сверх протокола узнать сегодня не удастся, но все же шел с ним через мост в другую сторону от своего дома.

– А может быть, видели кого-нибудь, припомните.

– Да мало ли гуляк по набережной бродит, и потом, я делом занят, некогда мне по сторонам пялиться.

Некоторое время шли молча.

– Некогда, я понимаю, – вдруг сказал Крылов, продолжая начатый разговор. – А ведь вы не рыбу ловить ходите.

Он искоса следил за Яковом Афанасьевичем.

Тот хохотнул, как-то нервно вскинув голову, и поправил на плече ящик.

– А вы наблюдательны. Вы, следователи, наверное, все такие наблюдательные.

– Не все. Бывают и такие, которые совсем ненаблюдательные.

– А отчего человек-то умер? То, что его убили, я и сам догадался, иначе меня бы так не мурыжили с протоколами.

– Несчастный случай, – проговорил Крылов, доставая новую сигарету и прикуривая на ходу.

– Да уж, несчастный, – ухмыльнулся Яков Афанасьевич. – А вы не подумали, что смысла убивать бомжа никому не было.

– Почему убивать, Яков Афанасьевич?! Я же говорю, несчастный случай во время почечных колик, оттого и страдание на лице. Боль, знаете, какая?! Сердце отказало. У бомжей тоже сердце имеется.

Яков Афанасьевич, снова запрокинув голову, хохотнул гортанно. Он явно нервничал, и это не укрылось от наблюдательного Крылова.

Следователь изредка косился на своего попутчика и видел, что тому что-то хочется сказать, просто сил нет, как хочется, но он изо всех сил сдерживается.

– Колики, – вдруг сквозь зубы выговорил он, резко остановился и повернул лицо к Крылову. – Колики!

Они остановились под фонарем, и Крылову хорошо было видно изрезанное глубокими морщинами лицо Якова Афанасьевича. Таких живописно морщинистых лиц он, пожалуй, не видел никогда, тем более что Яков Афанасьевич был человеком еще не старым... Или, быть может, так падала тень?

Он несколько мгновений смотрел на следователя в упор. Что-то важное готово было сорваться с его губ, Крылов чувствовал это и не торопил.

– Ладно, колики так колики, – махнул он рукой и двинулся дальше своим размашистым шагом.

И следователь понял, что мгновение упущено.

– Да, а дело закрываем, – бросил он, уже не надеясь на удачу, так только, для проформы. – Холодновато сегодня... Предыдущее дело, по которому вас вызывали, тоже, кстати, закрыли.

Яков Афанасьевич ничего не ответил, до конца моста они шли молча, и, только когда подходили к Петропавловской крепости, Яков Афанасьевич, нервно хохотнув вдруг, не оставиваясь, повернул голову к Крылову и сказал:

– А хотите скажу, как их убили?

Крылов на мгновение потерялся, не зная, что ответить. А если снова спугнешь?

– Ну-у-у, скажите, – как можно безразличнее проговорил он.

Яков Афанасьевич снова захохотал гортанно.

– Их защекотали... Защекотали до смерти. Угадал?!

Яков Афанасьевич остановился, остановился и Крылов. Они так и стояли друг против друга на слабо освещенной набережной.

– Ну, допустим, – проговорил Крылов, – хотя совершенно не представляю, как это можно сделать...

Яков Афанасьевич ухмыльнулся злорадно, видно было, что он сейчас торжествует, и Крылов не стал разочаровывать его, напустив на себя растерянный вид.

Яков Афанасьевич склонился над ним, тень сейчас падала так, что вместо глаз оказались две черные дыры, и удивительно, но создавалось впечатление, что он глядит этими дырами, и глядит словно из другого мира.

– И это только начало...

Крылов с внутренним трепетом глядел в эти черные провалы, он не боялся, это был не страх, это было что-то другое – больше чем страх, что-то первобытное.

– А хотите скажу, кто это сделал?

Такого поворота Крылов совсем не ожидал.

– Хочу, – проговорил он тихо.

– Тогда пошли.

Яков Афанасьевич широко шагал по темной аллее парка к видневшейся сквозь голые деревья мечети. Следователь еле поспевал за ним, и нелепо выглядела со стороны эти спешащая куда-то в темноте парочка.

Глава 4

Городу грозит беда

Яков Афанасьевич жил за зданием мечети, в большом дворе со сквером. Казалось, что дом этот является продолжением мечети: слишком плотно сомкнулись их стены. По темной лестнице они поднялись до второго этажа. Крылов цепким взглядом отметил для себя, что вряд ли кто-нибудь видел, как они прошли в квартиру – сюда без труда можно было попасть незамеченным. Металлическая дверь в квартиру изнутри была обита поролоном.

– Проходите, – Яков Афанасьевич пропустил Крылова в темную прихожую. – Не бойтесь, не разбудите никого.

Они шли по коридору. В кухне, мимо которой проходил их путь, горел свет, за столом, как-то механически поднося кружку ко рту, пила чай женщина пенсионного возраста.

– Она глухая, совершенно ничего не слышит, – пояснил хозяин квартиры, бросив взгляд в помещение кухни.

Яков Афанасьевич протянул к двери руку, дверь сама вдруг резко распахнулась.

– Ой, дядя Яша, вы меня напугали, – сказала девушка, выходя в прихожую. – Я тут за вещами заходила... Я домой, послезавтра.

Девушка внимательно посмотрела на Крылова, у нее были вьющиеся, распущенные по плечам рыжие волосы, неестественно белая кожа и курносый нос. Она сняла с вешалки кожаную куртку.

Яков Афанасьевич метнул в сторону Крылова взгляд... Странный взгляд...

Он был явно недоволен неожиданной встречей.

– Это племянница моя, – бросил он, входя в комнату.

Крылов, рассеянно кивнув девушке, вошел вслед за ним.

Комната была около двадцати метров, но казалась меньше из-за того, что была загромождена мебелью. Четвертую часть ее занимал концертный рояль погребального цвета, на нем в совершеннейшем беспорядке теснились телевизор, приемник, стопы книг... Большой старинный буфет красного дерева, когда-то презентабельный, но теперь с ободранными местами фанеровкой, выглядел убого. В углу старая кровать с железными спинками, стол, заваленный грязной посудой и книгами, всюду царил холостяцкий беспорядок.

– Вот сюда садитесь, – Яков Афанасьевич сбросил со стула брюки на кровать. – Один живу, порядок навожу редко, с тех пор как умерла жена...

– А отчего жена умерла? – спросил Крылов, он не знал, почему задал этот не слишком тактичный вопрос, сам собой вырвался.

– Жена?... Умерла... ну отчего люди умирают, от болезни, наверное... Отчего же еще! – Яков Афанасьевич растерялся. – Может, чаю?

– Да нет, спасибо. – Крылов присел на стул. Яков Афанасьевич не садился, он стоял рядом со следователем и молча и внимательно на него смотрел.

– Курить у вас здесь можно? – спросил Крылов, озирая бардак помещения. Хозяин комнаты кивнул. – Ну... вы мне хотели что-то сообщить, – закурив и выпуская струйку дыма, проговорил он как можно безразличнее.

– Сообщу, – сказал Яков Афанасьевич, усаживаясь на стул напротив. – Сообщу, только как вы к этому сообщению отнесетесь, не знаю...

– Отнесусь как-нибудь. Да что мы с вами, Яков Афанасьевич, в кошки-мышки играем, давайте начистоту.

– Ну, давайте начистоту, – тон его снова, как на мосту, сделался злым и вызывающим. – Только вы вперед, начистоту-то. Так что, защекотали их, или все-таки колики замучили?..

Крылов глубоко вздохнул.

– Ну, если начистоту... – он на мгновение замялся, зачем-то стер пальцем со стола пыль. – То эксперты установили, что умерли они от удушья, вызванного конвульсиями и судорогами. И вполне возможно, что их кто-то защекотал. Другого объяснения наши специалисты не нашли. Вы сами должны понять, почему я вам сразу не сказал...

– Понял, понял я! – победоносно проговорил Яков Афанасьевич. – Так я и думал... – он вновь запрокинул голову и хохотнул нервно, как недавно на улице. – Так я и думал! И следов никаких?

– Теперь я жду от вас откровенности, – проигнорировав последний его вопрос, сказал Крылов. – Откуда вы узнали? И что хотели мне сообщить?

Некоторое время Яков Афанасьевич молча смотрел в глаза следователя.

– В это трудно поверить... Но есть вещи, которые существуют помимо того, верят в них или нет. И если не верить, то это может грозить большой бедой. Вы понимаете, о чем я говорю?

– Не очень, – признался Крылов. – Но интересно, продолжайте, пожалуйста.

Яков Афанасьевич встал, подойдя к роялю, взял с его крышки какую-то старинную книгу, сел на прежнее место.

– Еще мой отец занимался этим опасным делом, – начал он, так и не открывая книги, лежавшей у него на коленях. Крылов попробовал прочесть ее название на корешке, но не удалось. – Я скажу вам, вы мне верьте, если даже это покажется невероятным. Я, как и мой отец, уже много лет занимаюсь русалководением. Они существуют.

Последнюю фразу Яков Афанасьевич проговорил, понизив голос, наклонившись вперед и сделав круглые глаза. Что-то комическое промелькнуло в этом движении, так что Крылов готов был рассмеяться.

– Русалки существуют?

– Да, в Неве водятся русалки. Самые настоящие русалки. Вы же понимаете, я не рыбу ловлю, я много раз слышал их. Вот посмотрите! – он открыл книгу, которую держал в руках, и протянул Крылову. – Вот они!

Крылов с интересом перелистывал страницы старинной книги с дивными иллюстрациями, изображавшими русалок, водяных и прочую нечисть. И, листая, думал Крылов, что, пожалуй, напрасно пришел сюда среди ночи – на сей раз чутье ему изменило, и перед ним явно человек с приветом... Хотя в пору поголовного увлечения эзотерикой и нечистью это скорее приветствовалось продвинутым обществом и считалось делом неувидительным, но к убийству не имело никакого отношения.

– Теперь вы поняли? – Яков Афанасьевич смотрел на него уже как на своего сообщника по болезни.

– Да, понял. Но при чем здесь?... Ах, ну да, вы полагаете, что русалки их...

– Конечно! Бывают такие ночи, когда утопленницы выходят на набережные Невы, и горе попавшемуся у них на дороге...

– «Защекочат до икоты и на дно уволокут», – процитировал Крылов слова известной песни. – Но, позвольте, – полистав книгу, он нашел нужную картинку и показал Якову Афанасьевичу. – Ведь русалки, если не ошибаюсь, с хвостами, как же они по набережным за прохожими гоняются?

Яков Афанасьевич даже не взглянул в книгу, он несколько секунд настороженно вглядывался в глаза Крылова.

– Вы мне не верите, – мучительно вымолвил он свою догадку. – Вы мне не верите...

– Ну, отчего же не верю, отчасти это очень даже преинтересно, во всяком случае, неожиданный и парадоксальный поворот в деле. Только вы объясните, как они с хвостами-то, ну, за прохожими... – он потряс книгой. – Ведь не получается никак.

– Вы действительно ничего не знаете о русалках?

– Действительно ничего, абсолютно ничего и, честно говоря, не уверен, хочу ли что-нибудь знать. – Крылов захлопнул книгу, положил ее на стол и поднялся. – Уже поздно, мне пора.

– Пойдите, хотя бы послушайте сначала!

Яков Афанасьевич вскочил, и показалось Крылову, что он вновь задел какую-то очень важную для хозяина тему, но это уже не имело значения.

– Я занимаюсь расследованием убийств, Яков Афанасьевич, – очень веско и серьезно проговорил Крылов, – а вы пытаетесь приплести сюда всякую нечисть. Извините, мне пора.

Он протянул ему руку.

– Ну подождите вы! Ведь это правда! Понимаете вы!

– Я, Яков Афанасьевич, во всякую чертовщину не верю. Может быть, она и есть где-нибудь, но меня это не интересует. До свидания.

Крылов, так и не дождавшись рукопожатия, повернулся и пошел к двери. Но Яков Афанасьевич, обогнав, попутно схватил с крышки рояля пачку каких-то фотографий и, преградив следователю дорогу, протянул ему.

– Вот, посмотрите. Эти фотографии мне удалось сделать в позапрошлом году в белую ночь.

На фотографиях следователь увидел пустынную набережную Невы, а на ней трех обнаженных девушек. Лиц их было не разглядеть, длинные волосы развевались на ветру, фигуры у них были так себе, и чем-то они действительно походили на девушек-утопленниц из сказок.

– Видите, видите, мне удалось заснять их, но потом они, воя и матерясь, гнались за мной до самого Дворцового моста, мне чудом удалось спастись... Знаете, как было страшно!.. После этого я три недели не подходил к Неве. У меня и сейчас стоит в ушах этот вой...

Крылов протянул ему фотографии. Он и сам не заметил, как хозяин комнаты подвел его к стулу и усадил на место.

– Хорошо, – черт знает почему согласился Крылов. – Давайте, но только короче, пожалуйста.

– Я вас долго не задержу, – он тоже уселся на свое место. – Я давно уже занимаюсь русалководением, этим занимался еще мой отец, оставивший множество записок и ученых трудов по этому поводу. По моим наблюдениям, в Неве живет от десяти до тридцати русалок.

– Женского пола? – уточнил следователь немаловажную деталь.

– Да, женского... ну, разумеется, женского, – не заметив иронии, подтвердил он. – В старинных книгах о строительстве Петербурга встречаются упоминания о живущих в Неве русалках, где приводятся многочисленные несчастные случаи с ночными гуляками, погибавшими от «ласк» водяных дев. Защекатывали они подгулявших молодцов насмерть, иных, заманив в студеную невскую пучину, навалившись всем мертвецким гуртом, топили, иных попросту по темени камнем оприходовали. Петр, охочий до редкостей, велел изловить одну такую зловредную русалку для Кунсткамеры. Специальные ловцы русалок ночами сидели в засадах на берегах Невы, но хитрые речные девы никак не хотели попадаться в расставленные сети, спустя год только изловили один захудалый экземпляр. Экземпляр этот в огромном аквариуме прожил недолго, то, что русалки в неволе не живут и не размножаются, доказано наукой. После чего было сделано из русалки чучело и выставлено в Кунсткамере на всеобщее обозрение, о чем в описи музея того времени под номером 321 числится: «Чучело русалки». Я сам видел эту запись. Хранилось это чучело до войны, до самой блокады Ленинграда, в дальнейшем следы его теряются. По сохранившимся документам, чучело рассыпалось от перемены температур, но, скорее всего, из нее просто сварили суп, сами понимаете, блокада, голод... это же, можно сказать, в некотором смысле сушеная рыбина была.

– Ну и что, что вы хотите мне доказать этим экскурсом в историю петербургских мифов? – перебил Крылов. – Что этих несчастных божьей русалки защекотали, что ли?..

– Сейчас, одну минуточку, сейчас я докопаюсь до этого, только вы меня не перебивайте, – попросил Яков Афанасьевич. – Дело в том, что есть ночи, в которые нежить становится наиболее активна. Просто совершенная жуть! Для того, чтобы вы поняли, поясню, что русалки бывают с рыбьим хвостом – это те, которые родились русалками, и обычные, двуногие, – это покончившие с собой утопленницы. Многие девушки из-за несчастной ли любви или по какому другому случаю сводили счеты с жизнью, бросившись с моста в Неву. В мрачном и темном Петербурге это дело обыкновенное. Он, как никакой другой город мира, располагает к самоубийству. Считается, что та, чье тело не было найдено, стала русалкой. Раньше, в старые времена, была одна такая неделя, когда русалки выходили из воды и нападали на прохожих. Эту неделю называли русаличьей, которая следует за троицкою неделей. Теперь все не так, теперь экология и климат изменились, изменился химический состав воды, радиация опять же. Последние годы утопленницы просто озверели, круглый год за людьми охотятся. Но мало того – они живут среди нас... И это самое страшное, утопленницы могут по несколько лет жить среди людей... Вот что я действительно понять не могу, так это то, как они температуру тела до нормальной человеческой у себя поднимают? Ведь они утопленницы, следовательно, температура должна быть... Все это только на первый взгляд кажется фантастическим. Поверьте, я занимаюсь русалководением давно, у меня имеется множество записей их голосов. Почти каждую ночь я сижу на Неве и видел, и слышал такое!.. Они, конечно, знают обо мне и ненавидят меня, потому что я проник в их тайну. А батюшку моего они выследили и заманили в пучину вод, когда я был еще маленьким. И послушайте меня, многие беды ждут жителей Петербурга, если вы как представитель закона не примите меры. Нежить зла, хитра и способна на многое... Они годами могут жить среди нас...

– Жить-поживать... Какие же меры? Что я, по-вашему, должен с подводным ружьем в Неву нырять за русалками?.. Бред какой-то!

– Глубинные бомбы! Нужно прочесать глубинными бомбами всю акваторию Невы, тогда вы увидите, сколько нежити всплывет.

– Русалок, колюх и водолазов... – грустно проговорил Крылов. – Вы обратились не по адресу, я только лишь следователь. Вам в Министерство обороны нужно.

– По адресу, – глаза Якова Афанасьевича зло сузились. – Вам они поверят, а я кто? Обычный русалковед, а вам поверят. Поймите, в них опасность для города, они подтачивают мосты, не говоря уж о защекоченных насмерть. Подумайте сами, кому нужно было защекатывать бомжей? Ну, кому?! – потому как Крылов молчал, Яков Афанасьевич продолжал, возбуждаясь: – Этих несчастных они оставили на набережной, но это не единственные их жертвы, они утаскивают их под воду. Идет человек по набережной, глядь, откуда ни возьмись голые девицы обступают его с хохотом, тащат к воде и... бултых, топят... Вот!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.